
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES

«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №6

**ЯПОНИЯ:
мир—традиция—перемены**

к 110-летию со дня рождения А.А.Холодовича
(1906-1977)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНИЯ:

мир—традиция—перемены

к 110-летию со дня рождения А.А.Холодовича
(1906-1977)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Печатается по рекомендации
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:

А.В.Филиппов, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Сеницын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. ист. наук Ковригин Н.Е. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. ист. наук Филиппов А.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., канд. ист. наук Щепкин В.В.,
канд. ист. наук Сеницын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: мир–традиция–перемены. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 110-летию А.А.Холодовича [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №6]. – СПб. – Изд-во ЛЕМА, 2016. – 351 с.

Подготовленная авторским коллективом монография, приуроченная к 110-летию со дня рождения А.А. Холодовича (1906-1977), посвящена различным сторонам жизни традиционной и современной Японии. В подготовке издания задействован широкий круг японоведов, в числе которых, помимо известных российских исследователей, активное участие приняли зарубежные ученые.

Комплексный подход, являющийся характерной чертой востоковедения, в полной мере нашел свое отражение на страницах данной работы. Изучение широкого круга вопросов (язык и литература, история и культура, политика и экономика), глубокий анализ, оценка и интерпретация исследуемых проблем, в полной мере позволяющая составить целостный образ Японии.

Монография представляет несомненный интерес не только для специалистов-востоковедов, но и может быть рекомендована студентам, аспирантам, специалистам в области международных отношений и права, а также широкому кругу читателей, интересующихся различными аспектами прошлого и настоящего Японии. Материал приводится на русском, японском и английском языках.

ISBN 978-5-00105-004-9

© Авторский коллектив, 2016
© Восточный факультет СПбГУ, 2016
Все права защищены

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ «ИСТОРИЯ ЯПОНИИ» В ПЕТЕРБУРГЕ–ПЕТРОГРАДЕ–ЛЕНИНГРАДЕ–ПЕТЕРБУРГЕ

Отечественное японоведение традиционно делится на несколько аспектов, одним из которых является история изучаемой страны. Данный обзор призван осветить истоки и становление «истории Японии» в Санкт-Петербурге как профиля обучения, проанализировать тенденции, определявшие развитие данной специализации в рамках японоведения в целом.

Истоки научного востоковедения в России восходят ко временам Петра I, ещё в 1700 г. издавшему указ об изучении восточных языков¹. Его же усилиями в Санкт-Петербурге в 1714 г. создана «праматерь всех наших музеев» Кунсткамера (открывшаяся в 1719 г.), а в 1724 г. основана Академия Наук (с академическим университетом и академической гимназией), став базой в том числе и для развития востоковедения. Столетием позже, в 1818 г. при Академии был создан Азиатский музей, объединивший на своей базе имевшиеся восточные коллекции. Последний весьма почитали европейские учёные и академики XIX в. Опять же благодаря Петру I в 1702 г. было решено положить начало преподаванию японского языка (предполагалось, что учительствовать будет Дэмбэй — один из первых японцев, оказавшихся в России). Учреждена школа японского языка (при «школе навигацких и математических наук») была в Петербурге в 1706 г. К моменту воссоздания в 1819 г. Петербургского

¹ См., напр.: *Самойлов Н. А.* Основные этапы истории отечественного востоковедения / Введение в востоковедение: Общий курс. СПб.: Каро, 2011. С. 530.

университета центр «всаяческого востоковедения» уже однозначно переместился в северную столицу из Казани, Москвы и Омска. С открытием в университете в 1854–1855 гг. факультета Восточных языков (ФВЯ) приоритеты в востоковедении от задач научных переходят к практическим. При этом ФВЯ активно взаимодействовал с Азиатским музеем. В 1863 г. на факультете появилась кафедра истории Востока, что обозначило выделение «истории Востока» в самостоятельную дисциплину. В те годы японский язык преподавали на факультете нерегулярно, он не сразу вошёл в круг обязательных предметов. Хотя уже тогда на факультете прошёл японоведную подготовку В. Я. Костылев в рамках введённого с октября 1870 г. китайско-маньчжуро-монгольского разряда (впоследствии первый профессиональный историк в российском японоведении). Только в 1898 г. в Петербургском университете была учреждена кафедра японского языка и словесности¹. Силами прежде всего командированных выпускников ФВЯ шло становление знаменитого Восточного института во Владивостоке, учреждённого в 1899 г. — поднимать новое учреждение были отправлены Алексей Матвеевич Позднеев, Евгений Генрихович Спальвин, Николай Васильевич Кюннер и др.

¹ В ознаменование 110-летия со дня основания (ныне — кафедра японоведения) в С.-Петербургском госуниверситете проходила международная конференция (с участием учёных из Москвы, Петербурга и разных университетов Японии), с материалами которой можно ознакомиться в следующем издании: «Issues of Japanology=Вопросы японоведения» №2. Материалы научной конференции, посвящённой 110-летию со дня основания кафедры японоведения С.-Петербургского университета. 28 февр. 2008 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 314 с.

Своего рода шоком для японоведов стала и русско-японская война, «внезапно» выявив недостаток всяческих пособий и словарей. Привело это и к своеобразному рывку в книгоиздательском деле по окончании войны — именно тогда появился, в частности, уникальный Японо-русский иероглифический словарь Димитрия Позднеева, опубликованный в Токио в 1908 г. (переиздавался в Японии и впоследствии). Отметим, что только тогда начала реально функционировать и кафедра японского языка и словесности — с зачислением в приват-доценты В. Я. Костылева в 1908 г.¹ Именно он впервые ввёл на ФВЯ полноценный курс истории Японии (к сожалению, В. Я. Костылев проработал на факультете лишь один 1908 год). За пару десятилетий до того В. Я. Костылев явился и автором первого в русском японоведении подлинно научного труда по истории Японии — «Очерка истории Японии» почти в 450 страниц объёмом.

Приход XX в. принёс нашей стране и внешние, и внутренние проблемы, серьёзно повлиявшие на общие тенденции развития японоведения и специфику подходов к исследованию истории. Изменения в обществе обусловили и специфику развития японоведения в России (и изучения истории Японии) в XX–XXI вв.

В начале XX в. уже сложилась целая плеяда блестящих японоведов (Д. М. Позднеев, Е. Г. Спальвин, В. Я. Костылев, В. М. Мендрин, С. Г. Елисеев, Н. А. Невский, Н. В. Кюннер, Е. Д. Поливанов, Е. М. Жуков, Н. И. Конрад и др.). Высокому уровню профессиональной подготовки способствовали

¹ Подробнее см.: *Филиттов А. В.* Василий Яковлевич КОСТЫЛЕВ (из истории востоковедения и африканистики) // Народы Азии и Африки. 1987, №2. С. 53–58.

длительные стажировки в Японии — после «оставления при университете для подготовки к профессорскому званию» и проч.

Вступление в советскую эпоху обусловило постепенное становление марксистского (марксистско-ленинского) японоведения. Важно, что это происходило на прочном фундаменте уже сложившегося на рубеже веков отечественного японоведения. Но утрата кадров оказалась неизбежной и в связи с эмиграцией, и в связи с репрессиями как первых послереволюционных лет, так и 30-40-х гг. Весьма любопытно, хотя и грустно выглядят преобразования и бесконечные реорганизации востоковедных учреждений в те годы — на фоне марксистско-ленинского совершенствования сфер науки и образования (ситуация чем-то неуловимо напоминает ряд «новшеств» последних двух десятилетий). Ограничимся просто перечислением названий востоковедных заведений, существовавших в Петрограде–Ленинграде 20-30-х гг. (начиная с 1918 г.). Ряд из них был связан с единственным тогда в городе Университетом, другие существовали параллельно:

- Петроградский (затем Ленинградский) ИЖВЯ (Институт живых восточных языков);
- ЛВИ (Ленинградский Восточный институт), так в 1928 г. переименовали ЛИЖВЯ;
- ФОН (факультет общественных наук) Первого Петроградского университета;
- Ямфак (факультет языкознания и истории материальной культуры Ленинградского университета);
- ФИЛ (историко-лингвистический факультет Ленинградского университета);

- ЛИЛИ (Ленинградский историко-лингвистический институт);
- ЛИФЛИ (Ленинградский историко-философско-лингвистический институт), вскоре вошёл в состав литературного, лингвистического, исторического и философского факультетов Ленинградского университета;
- Филологический факультет Ленинградского университета — с 1934 г. остался в Ленинграде единственным востоковедным учебным заведением.

Впечатляет даже простое перечисление этих организаций. При этом ФВЯ более не существовало. Как ни удивительно, но он был возрождён, хоть и с трудом, в 1944 г.

К счастью, укреплению позиций востоковедения способствовало принятие в 1929 г. Совнаркомом (СНК) *«Декларации о задачах востоковедной науки»*, подчёркнувшей важность изучения Востока как будущего очага революций. В 1934 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома *«О преподавании гражданской истории в школах СССР»*, что привело к усилению внимания к исторической науке и очередным реорганизационным новшествам. Подъём статуса истории как идеологической дисциплины способствовал созданию с сентября 1934 г. исторического факультета в Ленинградском университете. Тогда история Японии относилась к ведению появившейся на истфаке кафедры истории колониальных и зависимых народов — в сознании советских людей Восток воспринимался именно так. Соответственно, *на фоне этих постановлений, ключевое и идеологическое значение стали придавать и такой отрасли науки как востоковедение (для контраста отметим, что несмотря на международную ситуацию*

последних лет востоковедение *ныне* на грани ликвидации как науки). Впрочем, невзирая на постановления «партии и правительства», репрессии конца 1930-х гг. практически «обескровили» советское японоведение и привели к полной утрате опытного преподавательского состава (расстреляны Д. М. Позднеев, Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский, К. А. Харнский и др.)¹. Поэтому становление «нового» марксистского японоведения и историографии Японии оказалось нелёгким процессом. Ко втор. пол. 30-х гг. некоторые успехи были всё же достигнуты прежде всего усилиями Н. И. Конрада (Япония: Народ и государство, 1923 г.) и Е. М. Жукова (История Японии, 1939 г.). Последний труд ознаменовал появление подлинно марксистской историографии Японии, а сам учебник играл роль базового пособия на протяжении многих десятилетий. Не утратил он своего значения и ныне: если даже классовый подход не очень моден среди отечественных историков — то в японской исторической науке воспринимается как вполне рациональный. Великая Отечественная война, Блокада Ленинграда, эвакуация стали очередным ударом по японоведению.

Однако, ещё до победы над Германией, в 1944 г., был воссоздан Восточный факультет Ленинградского университета, вновь (как и до революции) став самостоятельным и независимым от исторического и филологического. В те годы на Востфаке преподавал академик Н. И. Конрад, постоянно касавшийся в своих исследованиях истории Японии. С воссозданием факультета, в том же 1944 г. появилась кафедра

¹ См., напр.: Аллатов В. М. Репрессированные японисты // Япония. 1989: Ежегодник. М., 1991. С. 310–319.

средневекового и нового Востока. Несколькими годами позже, в 1949 г. с исторического факультета на Востфак перевели кафедру истории колониальных и зависимых стран, что привело к переходу и целого ряда преподавателей-историков, органично влившись в новый коллектив. На их плечи как учёных-историков (далеко не всегда владевших восточным языком) легло тяжёлое бремя стать лидерами для востоковедов, которые ещё готовились историками стать. *Специальность «История Японии» с 1949 по 2008 гг., почти шесть десятилетий, относилась к ведению кафедры истории стран Дальнего Востока.* Кафедру до 1980 г. возглавлял китаист Геронтий Валентинович Ефимов (1906–1980) (кстати, не владевший китайским языком). Затем в 1980–1997 гг. кафедру возглавил снова историк-китаевед — Георгий Яковлевич Смолин (1930–2011). После чего кафедрой заведовал Борис Николаевич Мельниченко (1997–2006), а ныне — Владимир Николаевич Колотов (с 2006 г.).

С появлением кафедры истории стран Дальнего Востока в 1949 г. в качестве японоведов-историков начали работать Николай Васильевич Кюннер (1877–1955, приглашён академиком В. М. Алексеевым и Г. В. Ефимовым) и Давид Исаакович Гольдберг (1908–1982). Историкам-японоведам повезло — оба мэтра блестяще владели японским языком. С 1950 г. по окончании аспирантуры на кафедру как новый историк Японии пришла Любовь Васильевна Зенина — блестящий оратор, знаток японских реалий, с той поры и по сегодняшний день продолжающая работать на факультете (свыше 65 лет), став наставником для всех нынешних поколений японоведов-восточников. В 1970-1990-х гг. на восточном факультете преподавателями по истории и культуре Японии в разное время были:

Михаил Васильевич Воробьёв (1922–1995), Каринэ Генриховна Маранджян, Евгений Борисович Ковригин, Николай Борисович Цветков, Александр Юрьевич Синицын, Алексей Михайлович Боголюбов и др. Вопрос о *кафедральной принадлежности профиля «История Японии»* несколько лет назад претерпел изменения. В целях консолидации сил японоведов факультета на восточном факультете было принято решение о создании нового структурного подразделения с 2008 г. — *кафедры японоведения*. Преподаватели истории Японии с кафедры истории стран Дальнего Востока (Л. В. Зенина, А. В. Филиппов, С. Х. Булацев, В. Ю. Климов, М. В. Строева) объединились в один коллектив с кафедрой японской филологии (В. В. Рыбин, Аракава Ёсико, И. С. Ибрахим, Н. Х. Исса, Н. К. Снежкова, Л. Ю. Хронопуло). За последние годы к составу кафедры японоведения присоединился ряд новых преподавателей (А. А. Борисова, В. В. Щепкин, А. В. Леленкова, Н. Е. Ковригин, Н. А. Маслова, Охира Рэйко), отметим, четверо из них — историки. В действительности, к кругу историков-японоведов востфака принадлежат ещё несколько человек с факультетской кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки — Е. М. Османов и М. Н. Малашевская (отчасти тяготеют к истории Японии и научные интересы заведующего этой кафедрой — Н. А. Самойлова). Однако, завершив обзор организационных структур, вернёмся к рассмотрению *тенденций, определявших развитие профиля «История Японии», начиная с середины XX в.*

Воссоздание Восточного факультета в 1944 г., усиление его кадрами историков соответствовало и тенденциям во всей стране. Новшеством в характере научной работы становится *проблемный подход*. На повестку дня выходят

комплексные обобщающие исследования, подготовленные на основе разработок по узкой конкретной тематике. Завидная стабильность научных, академических и учебных заведений (особенно — начиная с времён хрущёвской «оттепели») способствовала плановости и основательности в ведении научной работы. Плановая тематика научной работы, зачастую определяемая самим автором (особенно в Ленинграде), вне давления чиновников и при отсутствии системы грантов (часто дающей лишь «точечные» наработки какой-либо темы) — давали возможность ведения действительно фундаментальных научных исследований на протяжении десятков лет. Это ставило советскую науку (и историков Японии) на недосягаемый пьедестал по сравнению с достижениями «западных и американских товарищей». Всё это привело в том числе к всплеску в публикациях переводов исторических источников по Японии. Определённый консерватизм советской издательской сферы имел немало позитивного — советский период выделяет высочайшее качество продукции (редактура, подготовка текста, ответственность авторов, логика в структуре крупных изданий). Тиражи изданий, выходивших в СССР сейчас трудно даже представить себе — столь они были велики (нынешние 100–200 экз. почти любого научного издания заведомо загоняют науку в тупик). В период до начала «перестройки» (1950–1980-е гг.) историки-японоведы были обеспечены добротной научной литературой — советское японоведение (включая историков) вышло на качественно новый этап. «История Японии» как научная специальность достигла зрелости и поступательно развивалась, росло число научных исследований, ряды преподавательских кадров, появлялись новые кандидатские и докторские

диссертации. Советские институты-университеты (в том числе ЛГУ им. А. А. Жданова) регулярно и эффективно готовили кадры японоведов для «стран народной демократии» — социалистического лагеря. К числу реально «проблемных моментов» можно было отнести разве крайне слабую вероятность даже краткого «пребывания в изучаемой стране». Историк-японовед высочайшего уровня, доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения АН СССР и преподаватель Ленинградского университета М. В. Воробьёв НИКОГДА не видел Японию воочию.

С начала перестройки и до рубежа XX–XXI вв. ситуация в японоведении (и в кругу историков Японии) вновь изменилась. Стало больше ощущаться влияние специфики региона, где расположено учебное заведение, на профиль изучаемой специальности (ранее отличия между историками-японоведами, выпускниками Ленинграда, Москвы и Владивостока были слабее). Так, развитию интереса к Японии в Петербурге активно способствовали Генеральное консульство Японии, Японский центр, Общество дружбы Россия–Япония (при Ассоциации международного сотрудничества С.-Петербурга). Возрос интерес к изучению японского языка, истории и культуры Японии на базе Университета культуры и искусств, Педагогического университета им. А. И. Герцена, частного Восточного института, Института Восточных рукописей РАН, Кунсткамеры и Эрмитажа, ряда библиотек нашего города (РНБ, БАН). Появились даже средние школы с преподаванием японского языка (№83 и №583), не считая многочисленных курсов по языку и культуре. Однако, лидером в подготовке именно по специальности «история

Японии» продолжал (и продолжает ныне) оставаться Восточный факультет СПбГУ.

В то же время, в целом в сфере высшего образования имелись «минусы» — кадровые потери (эмиграция и смена рода деятельности профессорско-преподавательского состава), проблемы финансирования. Внедрение системы грантов сказалось на независимости исследований, снизился интерес к научным исследованиям с расчётом на долгосрочную перспективу. Несмотря на «модную специальность» историка-японоведа — среди выпускников тяга к ведению научной работы по большей части отсутствовала. Стала остро ощущаться тенденция к утрате классического образования японоведа (и японоведа-историка) — образования, которое всегда выгодно отличало отечественных специалистов от бакалавров и магистров европейской и американской школ. Рассчитывать, что потери в уровне образования компенсируются технологиями и контактами с носителями культуры — весьма сомнительно.

Впрочем, появились и «плюсы», несколько сгладившие проблемные моменты — возможность повышения квалификации благодаря свободе контактов, стажировок и т. д. (при общем оттоке кадров), рост объёма печатной продукции по специальности (при сомнительном её качестве и научной ценности).

Самое начало 2000-х гг. неожиданно вновь принесло повышение интереса к научной работе. Появились желающие закончить аспирантуру, остаться преподавать в ВУЗах. Впрочем, это продолжалось недолго... В последние годы появились проблемы с защитой кандидатских и докторских диссертаций. Так, Диссертационный совет для защиты по трём востоковедным профилям при Восточном

факультете СПбГУ, созданный и десятилетиями действовавший трудами заслуженного академика М. Н. Боголюбова — с конца июля 2013 г. лишён прав рассматривать диссертации историков. Даже готовые, прошедшие обсуждение работы, не могут увидеть свет — ибо их не защитить. На ситуацию с защитой влияют сложности скорее бюрократические, чем объективные (напр., наличие обязательных публикаций, зачастую даже в непрофильных изданиях и т. п.). Наличие степени кандидата или доктора наук — отнюдь не пустая формальность. Вопросы защиты диссертаций в итоге порождают проблему преемственности кадров в процессе обучения и в научной работе историков-японистов. Как ни печально это звучит, но последняя кандидатская диссертация япониста-историка была защищена на Восточном факультете в 2010 г. — М. В. Строевой. Уже несколько лет ждут шанса защиты две готовые работы выпускников факультета (речь именно об историках-японистах).

В завершение следует добавить нотку «оптимизма». Помимо фактически готовых к защите работ, прошедших обсуждение — на выходе и ещё несколько кандидатских диссертаций. Несмотря на сложности, историки-японисты продолжают вести научную работу и преподавательскую деятельность.

На сегодняшний день то самое «классическое образование япониста» Востфака Университета всё-таки ещё не утрачено, стоит попытаться его сохранить.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В работе над монографией принял широкий круг отечественных и зарубежных исследователей.

Введение к приуроченной к 110-летию со дня рождения А. А. Холодовича работе подготовлено *Самойловым Н. А.* (Япония: традиция перемен) и *Оглоблиным А. А.* совместно с *Храковским Е. С.* (А. А. Холодович: востоковед, лингвист-теоретик).

В написании разделов первой главы работы «Японский язык: анализ, эволюция и опыт преподавания» приняли участие: *Аракава Ёсико* (Что такое «якувариго»? 役割語とは何か), *Басс И.И.* (Бенефактивные конструкции -тэ/-дэ кудасару и -тэ/-дэ курэру в современном японском языке), *Гуревич Т. М.* (Модные слова и современные японцы), *Ибрахим И. С.* (Методы изучения особенностей общественно-политических текстов как раздел преподавания аспекта «Японская пресса»), *Стрижак У.П.* (Грамматическая категория переходности в японском языке как показатель японского мировидения), *Хронопуло Л. Ю.* (Заемствования из английского языка в повседневном электронном общении молодых японцев).

В работе над второй главой – «Литература Японии: жанры, сюжеты, толкования» были задействованы: *Бреславец Т. И.* (Роман «Шанхай»: политика и литература), *Кикнадзе Д. Г.* (Отражение буддийского принципа гэндзэрияку в сборнике сэцува «Удзи сюи моногатари» XIII в.), *Климов В.Ю.* Наставление дома Имагава, *Мотрохов А.И.* (Биография поэта Яманоуэ Окура в его молодые годы (опыт реконструкции)).

Третья глава – «Традиционная Япония: образы, дискурсы, подходы и оценки» включает разделы, подготовленные *Борисовой А.А.* (Симомура Котаро – отец коксовой промыш-

ленности Японии), *Касахара Кота* (Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России), *Маранджян К. Г.* («Патриарх» японского конфуцианства Фудзивара Сэйка), *Михайловой С.А.* (К 100-летию подписания Русско-японского соглашения: новые архивные данные о втором визите принца Канин в Россию), *Османовым Е. М.* (Становление и организация внешнеполитической службы в Японии: исторический анализ), *Толстогузовым С.А.* (Общеполитическое соглашение 1907 г.), *Филипповым А.В.* (Научно-учебная специализация «История Японии» в Петербурге–Петрограде–Ленинграде–Петербурге), *Щепкиным В.В.* (Восприятие «земель айнов» в княжестве Мацумаэ и правительстве Японии во 2-й пол. XVIII в.), *Яковкиным Е.В.* (Роль японской военной миссии в Харбине в идеологических установках русской эмиграции в Маньчжурии: 1932–1945 гг.).

Глава «Культура Японии: сквозь призму традиций» объединяет авторский коллектив, в составе *Войтишек Е.Э.*, *Речкаловой А.А.* (Трансформация функционального назначения гербов военного сословия в эпоху Эдо), *Егоровой А.А.* (Не только ваби: японская эстетика и искусство керамики эпохи Эдо), *Журавской Т.М.* (Истоки образности творчества японского дизайнера Токудзина Ёсиока), *Ясумото Акико* (A study on 'Tsurushi-bina no minato': The depiction concerning an exchange between Japan and Russia in village Heda).

Заключительный раздел монографии – «Современная Япония: политика, общество и государство» написан *Ковригиным Е. Б.* (Япония и Транстихоокеанское партнерство (по материалам японской прессы 2009–2016 гг.), *Леленковой А.В.* (Политические отношения между Японией и Индией в 1950-е гг. Позиция сторон), *Лобовым Р.Н.* (Республика Корея и Япония: уроки истории для двусторонних отноше-

ний), *Малашевской М.Н.* (Современное кавказоведение в Японии).

Аффилиация

1. *Аракава Ёсико.* Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
2. *Басс Ирина Исаевна.* Санкт-Петербургский государственный институт культуры, кафедра иностранных языков и лингвистики. Россия 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2.
3. *Борисова Анастасия Анатольевна.* Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
4. *Бреславец Татьяна Иосифовна.* Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
5. *Войтишек Елена Эдмундовна.* Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
6. *Гуревич Татьяна Михайловна.* Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
7. *Егорова Анна Алексеевна.* Государственный Эрмитаж, Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34.
8. *Журавская Татьяна Михайловна.* Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.А. Штиглица, Россия, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., 13.

9. *Ибрахим Инга Самировна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
10. *Касахара Кота*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
11. *Кикнадзе Диана Гургеновна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
12. *Климов Вадим Юрьевич*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
13. *Ковригин Евгений Борисович*. Университет Сэйнан гакуин, г. Фукуока, Япония.
14. *Леленкова Анна Викторовна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
15. *Лобов Роман Николаевич*. Институт Дальнего Востока РАН, Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.
16. *Малашевская Мария Николаевна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
17. *Маранджян Каринэ Генриховна*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
18. *Михайлова Светлана Анатольевна*. Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38.
19. *Мотрохов Александр Иванович*. Независимый исследователь, г. Харьков, Украина.

20. *Оглоблин Александр Константинович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
21. *Османов Евгений Магомедович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
22. *Речкалова Анастасия Александровна*. Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
23. *Стрижак Ульяна Петровна*. Московский городской педагогический университет, Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4.
24. *Толстогозов Сергей Анатольевич*. Университет Хиросима, г. Хиросима, Япония.
25. *Филиппов Александр Викторович*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
26. *Храковский Виктор Самуилович*. Институт лингвистических исследований РАН, Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.
27. *Хронопуро Лиала Юрьевна*. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
28. *Щепкин Василий Владимирович*. Институт восточных рукописей РАН, Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
29. *Яковкин Евгений Васильевич*. ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края, Россия, 614039, г. Пермь, ул. Сибирская, 55.
30. *Ясумото Акико*. Университет Нихон, г. Токио, Япония.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЯПОНИЯ: традиция перемен 3

А.А.ХОЛОДОВИЧ: востоковед, лингвист-теоретик 7

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК:

АНАЛИЗ, ЭВОЛЮЦИЯ И ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

役割語とは何か (Что такое «якувариго»?) 21

Бенефактивные конструкции *-тэ/-дэ кудасару* и *-тэ/-дэ курэру* в современном японском языке 28

Модные слова и современные японцы 45

Методы изучения особенностей общественно-политических текстов как раздел преподавания аспекта «Японская пресса» 54

Грамматическая категория переходности в японском языке как показатель японского мировидения 63

Заемствования из английского языка в повседневном электронном общении молодых японцев 78

ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ:

ЖАНРЫ, СЮЖЕТЫ, ТОЛКОВАНИЯ

Роман «Шанхай»: политика и литература 89

Отражение буддийского принципа *гэндзэ-рияку* в сборнике *сэцува* «Удзи сюи моногатари» (XIII в.) 104

Наставление дома Имагава 117

Биография поэта Яманоуэ Окура в его молодые годы (опыт реконструкции) 137

ТРАДИЦИОННАЯ ЯПОНИЯ:

ОБРАЗЫ, ДИСКУРСЫ, ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

Симомура Котаро — отец коксовой промышленности Японии 144

Бои на озере Хасан: обзор основных публикаций Японии и России 151

«Патриарх» японского конфуцианства Фудзивара Сэйка 159

К 100-летию подписания русско-японского соглашения: новые архивные факты о втором визите принца Канъин в Россию 171

Становление и организация внешнеполитической службы в Японии: исторический анализ 182

Общеполитическое соглашение 1907 г. 198

- Научно-учебная специализация «История Японии» в Петербурге–
Петрограде–Ленинграде–Петербурге 213
- Восприятие «земель айнов» в княжестве Мацумаэ и центральном
правительстве Японии во 2-й пол. XVIII в. 225
- Роль японской военной миссии в Харбине в идеологических уста-
новках русской эмиграции в Маньчжурии: 1932–1945 гг. 235

КУЛЬТУРА ЯПОНИИ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИЙ

- Трансформация функционального назначения гербов военного
сословия в эпоху Эдо 251
- Не только ваби: японская эстетика и искусство керамики эпохи Эдо 262
- Истоки образности творчества японского дизайнера Токудзина
Ёсиока 275
- 『つるし雛の港』を読む —文学に描かれた戸田の日本人とロシア
人の交流— (A study on «Tsurushi-bina no minato»: The depiction
concerning an exchange between Japan and Russia in village Heda) 287

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ: ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

- Japan and the Trans-Pacific Partnership Agreement (A review of
Japanese mass-media material from 2009 to 2016) 294
- Политические отношения между Японией и Индией в 1950-е гг.
Позиция сторон 311
- Республика Корея и Япония: уроки истории для двусторонних
отношений 323
- Современное кавказоведение в Японии 332

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 344

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ (мир–традиция–перемены):

Материалы российских и зарубежных исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых 110-летию
А.А.Холодовича

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Подписано в печать 11.04.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,4. Тираж 120 экз.
Заказ № 4203.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел. 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>